

НАУЧНЫЙ ОБЗОР

УДК 913(1-925.121)
DOI 10.17513/use.38461

**ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ФОРМИРОВАНИЯ ГЕОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ТАЙМЫРА**

Стрючкова Л.Н.

*Красноярская региональная общественная организация «Клуб исследователей Таймыра»,
Норильск, Российская Федерация, e-mail: liss888@mail.ru*

Формирование геокультурного пространства Таймыра – самого северного в мире участка материковой суши – происходило достаточно поздно, что обусловлено неблагоприятными климатическими условиями, труднодоступностью региона для человека. Цель исследования – показать, как на формирование геокультурного пространства Таймыра повлияли факторы экономического развития, обусловленные факторами географическими. В статье на основе сравнительно-географических, историко-географических и других данных показаны основные этапы освоения и заселения Таймыра, которые сыграли важную роль в формировании сегодняшних геокультурных образов территории, как и всего геокультурного пространства в целом. В течение 30 лет исследований автором были изучены более 500 источников, среди которых научные труды этнографов, географов, историков, археологов и др., также многочисленные документы из архивных фондов Государственного архива Красноярского края, Государственного архива Иркутской области, Таймырского окружного архива, Российского государственного архива экономики и многих других хранилищ страны. В данной статье использовано 28 источников. Кроме того, автор является жителем территории более 50 лет, участвует, а последние 20 лет организует экспедиции на Таймыре – краеведческие, с участием археологов (2016–2017 гг.), геофизиков (2017–2019 гг.) и других специалистов. Анализ накопленных материалов показывает, каким образом суровость климата и, соответственно, труднодоступность территории, связанная напрямую с географическими факторами, диктуют хозяйственно-экономическое освоение Таймыра, этнокультурные связи. Оленеводческая культура северных кочевников, с одной стороны, и создание жизнеобеспечивающей в условиях Крайнего Севера ресурсной инфраструктуры российским, а затем и советским государством, с другой стороны, в конечном счете не только формировали геокультурное пространство Таймыра, но и изменяли его с течением времени, дополняя новыми геокультурными образами.

Ключевые слова: Таймыр, геокультурное пространство, геокультурный образ, Хатангский тракт, пушнина, оленеводство, ресурсы

**ECONOMIC AND GEOGRAPHICAL FEATURES
OF THE FORMATION OF THE GEOCULTURAL SPACE OF TAIMYR**

Stryuchkova L.N.

*Krasnoyarsk Regional Public Organization “Taimyr Explorers Club”,
Norilsk, Russian Federation, e-mail: liss888@mail.ru*

The formation of the geocultural space of Taimyr, the world's northernmost mainland landmass, occurred relatively late due to unfavorable climatic conditions and the region's inaccessibility for humans. The purpose of this study is to explore how economic development factors influenced the formation of the geocultural space of Taimyr, which was influenced by geographical factors. Based on comparative geographical, historical geographical, and other data, the article highlights the key stages of the exploration and settlement of Taimyr, which played a significant role in shaping the current geocultural images of the territory and the geocultural space as a whole. Over the course of 30 years of research, the author has studied more than 500 sources, including scientific works by ethnographers, geographers, historians, archaeologists, and others, as well as numerous documents from the State Archives of the Krasnoyarsk Territory, the State Archives of the Irkutsk Region, the Taimyr District Archives, the Russian State Archives of Economics, and many other repositories across the country. This article uses 28 sources. In addition, the author has been a resident of the territory for over 50 years, and for the past 20 years, he has been organizing expeditions to Taimyr, including local history expeditions with archaeologists (2016–2017), geophysicists (2017–2019), and other specialists. The analysis of the accumulated materials shows how the harsh climate and, consequently, the inaccessibility of the territory, which is directly related to geographical factors, dictate the economic and social development of Taimyr and its ethno-cultural connections. The reindeer herding culture of the northern nomads, on the one hand, and the creation of a resource-based infrastructure for the Far North by the Russian and later Soviet state, on the other hand, ultimately not only shaped the geocultural space of Taimyr, but also changed it over time, adding new geocultural images.

Keywords: Taimyr, geocultural space, geocultural image, Khatanga tract, reindeer herding, fur, resources

Введение

Существующий сегодня географический образ Таймыра формировался в неблагоприятных для постоянного, оседлого проживания человека климатических условиях. Это продиктовано географическим

расположением региона: самая северная оконечность полуострова Таймыр – мыс Челюскин – является самой северной в мире точкой материковой суши. Освоение и заселение территории происходило в соответствии с природными циклами, что, в свою

очередь, обусловило определенные типы природопользования и хозяйствования. Соответственно, сформировавшееся геокультурное пространство всецело отразило характер освоения, свойственный районам Крайнего Севера.

Цель исследования – показать, как формирование геокультурного пространства Таймыра обусловлено факторами экономического развития региона, которое, в свою очередь, тесно связано с реалиями географического пространства.

Материалы и методы исследования

В статье использованы сравнительно-географические и историко-географические методы, результаты полевых исследований автора. В течение 30 лет были изучены более 500 источников, среди которых научные труды этнографов, географов, историков, археологов и др., также многочисленные документы из архивных фондов Государственного архива Красноярского края, Государственного архива Иркутской области, Таймырского окружного архива, Российского государственного архива экономики и многих других хранилищ страны. В данной статье использовано 28 источников из разных областей знаний. Это связано с отсутствием современных комплексных работ по географии исследуемого региона, поэтому идет обращение к различным частным наукам, которые вкуче позволяют проанализировать сложившуюся структуру геокультурного пространства.

Результаты исследования и их обсуждение

Геокультурные образы в современном прочтении

Симптоматично, что научное понятие «геокультура» отражает взаимосвязь социальной и культурной деятельности человека в частности и общества в целом в условиях глобального географического пространства [1, с. 4]. По образному выражению современных исследователей, «в диалоговой сфере природы и человека наиболее ярко проявляют себя социальный и экономический аспекты» [2, с. 11].

Что касается Арктики, освоение ее географического пространства человеком продиктовано в первую очередь экономическими интересами. Показательно, что сегодня в Российской Арктике создается около 20 % ВВП нашего государства и обеспечивается более четверти его экспорта [1, с. 12].

Таймыр можно назвать модельной территорией Крайнего Севера, так как географически он расположен равноудаленно от теплых течений Атлантического и Тихого океанов, является самой северной материковой сушей в мире, характеризуется наиболее неблагоприятными условиями для оседлого проживания. Как следствие, до X в. заходы человека в районы севера Средней Сибири были спорадическими и нерегулярными [3, с. 37].

При этом на Таймыре – в широтном направлении – сформировались различные по составу флоры и фауны природные зоны и подзоны: 1) зона полярных пустынь; 2) зона тундр (с подзонами); 3) лесотундра 4) зона северной тайги (также с подзонами) [4, с. 20]. Единое геокультурное пространство Таймыра, а также сформированные его геокультурные образы неразрывно связаны с указанными естественными характеристиками. В этой системе геокультурных образов и интерпретируются локальные (региональные) геокультурные пространства [5, с. 60].

Современное видение пространства как такового в географии подразумевает переход от метрической (количественной) парадигмы к топологическому (качественному) восприятию окружающего мира [6, с. 137]. Отсюда возникла потребность в исследовании не просто географического пространства, но пространства геокультурного – как территории, насыщенной культурными феноменами, как материальными, так и духовными (ментальными) [7, с. 61]. Это первое обращение к теме соотношения истории заселения и освоения Таймыра и его геокультурного пространства. Что неудивительно, так как само направление в географии, изучающее геокультурное пространство, а именно геокультурная география (или география культуры), стало активно развиваться только в начале XXI в. [8, с. 374].

Опираясь на концепции теоретика геокультурного пространства А.Г. Манакова, автор отмечает в основных характеристиках Таймыра его многослойность [9, с. 22] – формирование его происходило в несколько этапов, и для понимания этих процессов невозможно обойтись без исследования генезиса, «хотя бы он сам по себе непосредственно нас и не интересовал» [10, с. 20]. Многослойность может рассматриваться в разных аспектах, в данной статье автор рассматривает концепцию места с точки зрения видения ландшафта «как многослойной структуры, хранящей следы различных эпох» (место как палимпсест) [11, с. 3]).

*Автохтонная система
жизнеобеспечения на Таймыре*

Начиная с X в. основой обеспечения жизнедеятельности на севере Сибири стало домашнее оленеводство ненецкого типа. Именно северные самодийцы, примерно в X–XI вв. сформировавшиеся как самостоятельный этнос, создали домашнее оленеводство [12, с. 611]. Олень служил для кочевого народа и пищей, и одеждой, и жилищем, и другим необходимым сырьем для применения в бытовом и производственном (олeneводческом, промысловом) обиходе. Таким образом формировался первоначальный геокультурный образ населения Таймыра исключительно как кочевника-олeneвода.

Появившийся на Таймыре в XII–XIII вв. с юга, из современной Эвенкии, тунгусский компонент [13, с. 130] тоже был связан с миграциями популяции северного оленя, сегодня обозначаемой в научной литературе как таймырская популяция [14, с. 130]. Дикий северный олень (ДСО) мигрирует дважды в год, и его пути проходят через горный массив Средней Сибири – плато Путорана, являющееся северо-западной частью Среднесибирского плоскогорья. К лету – ущельями, удобными перевалами через огромное горное пространство, имеющее площадь 250 тыс. км², на тундровые просторы полуострова, к зиме – в обратном направлении в зону северной тайги [15, с. 19]. Основным фактором, определившим сезонные миграции ДСО с запада полуострова и с юга, являются олени пастбища, которые на Таймыре имеют самую большую олeneемкость в мире (до 850 тыс. голов [16, с. 12]). Кроме того, в ветреных тундрах на больших просторах не так доносится гнус – беспокоящий фактор для северного оленя.

Миграционные потоки меняются с течением времени, в силу разных причин. Сегодня основные миграционные потоки изменились практически у нас на глазах – ввиду воздействия новых экономических условий, пришедших в таймырскую тундру после развала СССР и почти полной утраты олeneводства как хозяйствования.

Домашнее олeneводство Таймыра перенесло большие изменения после отката России от советских способов ведения устоявшихся практик на Крайнем Севере – в виде совхозов, колхозов, пушзаготовок и пр., начиная с 1990-х гг.

А изменение структуры популяции ДСО и ее половозрастного состава продиктовано в подавляющем большинстве бесконтроль-

ным и, соответственно, браконьерским истреблением – ради востребованных на черном рынке продуктов из наиболее ценных частей этого животного (панты, камус, языки). Присутствует и природный фактор. Так, потепление климата приводит к снижению массы лишайника, что негативно сказывается на олeneемкости традиционных пастбищ [17, с. 13]. Есть и другие факторы. Все это привело к тому, что к началу 2020-х гг. некогда самая большая популяция ДСО в мире – таймырская, доходившая до 1 млн особей [16, с. 3], – уменьшилась практически в 5 раз. Более того, избирательно-хищнический способ промысла, без необходимого учета половозрастной структуры популяции, наряду с другими – неантропогенными факторами – привел к полному исчезновению енисейской (западной) группировки [18, с. 10]. Эта часть популяции ДСО сыграла в свое время большую роль в формировании геокультурного пространства полуострова, так как на правобережье Енисея после X в. вслед за стадами оленя стали заходить и ненцы (самодийцы). На современном этапе наблюдается такой же показательный процесс: в связи с исчезновением приенисейской части популяции ДСО, с левобережья Енисея на территорию Таймыра снова начали заходить на лето ямальские ненцы со своими стадами [19, с. 46], которые до того предпочитали не рисковать, опасаясь увода дикими оленями своих домашних оленей.

Также указанные выше негативные процессы привели и к большому смещению на восток восточной группировки таймырской популяции [20, с. 36–39].

Все указанные процессы изменили образ олeneвода-кочевника, не считая короткого периода трансформации образа в советское время, когда личные хозяйства были заменены олeneводческими бригадами, колхозами и совхозами. С окончанием советского периода добавились и такие негативные процессы, как утрата домашнего олeneводства, ухудшение снабжения поселков [21, с. 9], где сегодня концентрированно живут представители коренных малочисленных народов Севера.

Негативные последствия развала СССР сегодня приобретают еще один неожиданный аспект. Речь о льготах, которые государство предоставляет представителям коренных малочисленных народов севера, продолжающих вести традиционный образ жизни. А именно, некоторые исследователи считают, что «льготирование людей вно-

сит раскол в этнические сообщества. Часть сообщества считает, что льготы и компенсации слишком ничтожны и надо их расширять и увеличивать, а часть полагает, что льготы – это медвежья услуга, которая развращает народ, превращая его в вечного попрошайку» [22, с. 184].

Среди коренных этносов Таймыра оленеводством продолжают заниматься только ненцы, есть небольшие стада на востоке и у долган-оленьеводов.

Появление оседлого населения на Таймыре

Близкое знакомство русских с предками современных ненцев, основоположников домашнего оленеводства, относится ко времени активного освоения Сибири Российским государством. Экономическим двигателем в тот период выступают природные ресурсы, а именно – пушные богатства территории, в том числе и севера Сибири, в частности песец. Именно тогда, считается, активно продвигаясь на восток, шли за русскими и самоеды, в основном из-за дополнительного «заработка»: государевы служащие, помимо обязательного налога, принимали и сверх того добытые шкурки, обменивая на блага цивилизации (порох, мука, металл и пр.).

А некоторые, наоборот, уходили подальше от притеснений ясачных сборщиков и государственных обязанностей. Так, во второй половине XVII в. часть самодийцев, называвшаяся пясидской самоедью, ушла с Пясины на реку Хета (юго-восток Таймыра), избегая уплаты налога представителям государства [23, с. 80].

При появлении экономического интереса в виде закупок пушнины представителями государства охотничий промысел и для тунгусов приобрел несколько большее значение.

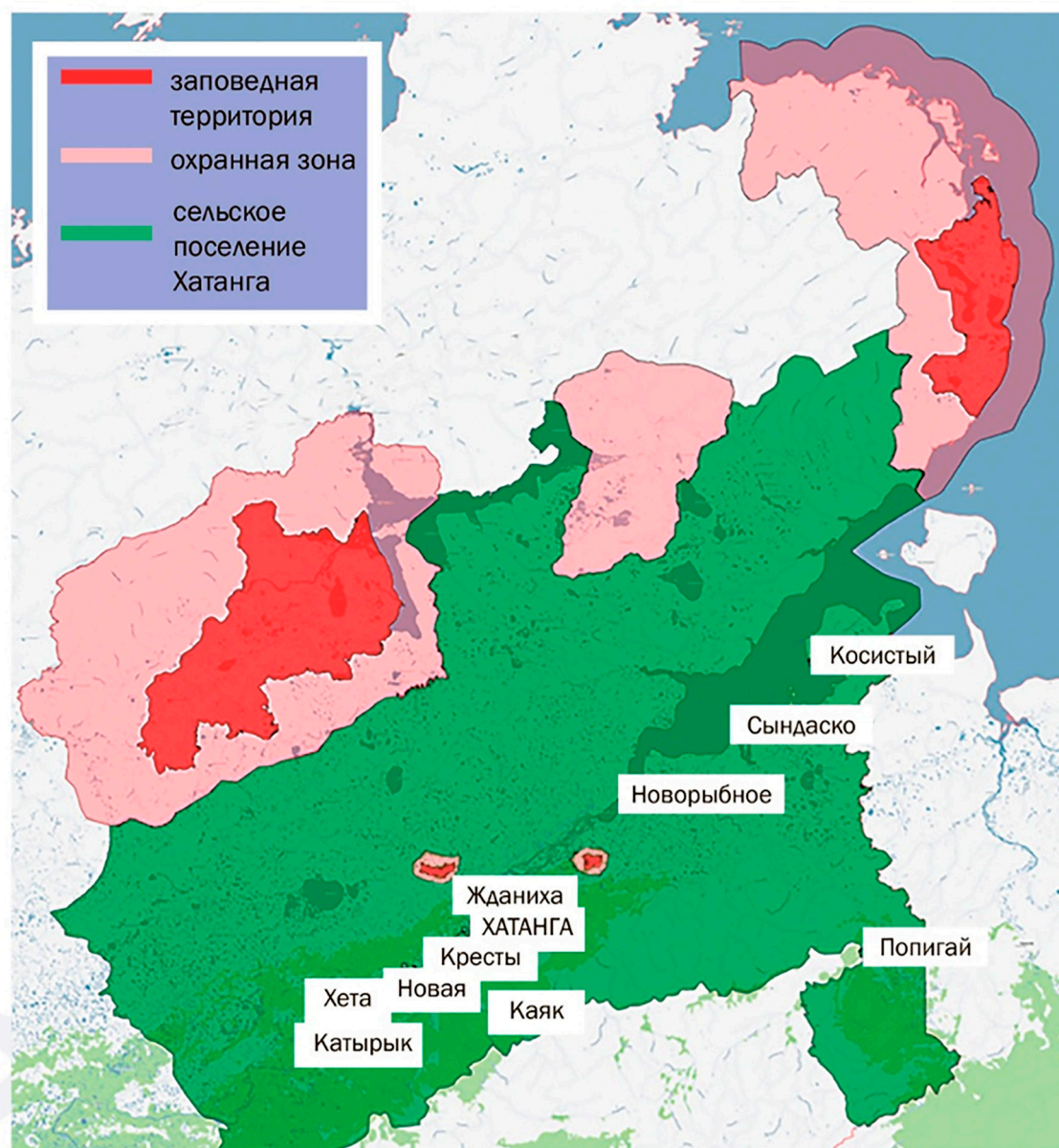
Начался процесс заселения севера Средней Сибири [24, с. 24]. Этот многовековой опыт (начиная с рубежа XVI–XVII вв.) показывает, что без ресурсной поддержки государства оседлая жизнь на Крайнем Севере невозможна. В отличие от кочевого образа жизни, оседлость подразумевает наличие постоянно возобновляемых на одном месте источников системы жизнеобеспечения, необходимых для воспроизводства пищи, поддержания теплого жилища в условиях минусовых температур в течение большого периода года и т.д. Также необходимы упомянутые выше металл, порох, мука, средства добычи огня и пр.

Ресурсная поддержка государства и в XVII в., и сейчас формируется благодаря так называемому северному завозу. Это комплекс мероприятий и финансовых механизмов по регулярному и бесперебойному снабжению территорий, относящихся к районам Крайнего Севера, а также приравненных к ним местностей с ограниченными сроками завоза грузов. В этом смысле снабжение хлебозапасных магазинов, в которых несли государеву службу вахтеры (так называлась должность смотрителя этого учреждения до Октябрьской революции), ничем не отличается от современного снабжения, разве что технологическими и техническими средствами.

Расположение таких объектов инфраструктуры сформировалось в определенной ландшафтной зоне. Хатангский тракт прошел вдоль северных отрогов плато Путорана и плато Анабар. С одной стороны, потому что пролегают идущие в нужном направлении водные артерии, по которым можно передвигаться с запада полуострова в восточном направлении с минимальными волоками (в холодный период года они становятся зимниками, зимними дорогами), с другой стороны, потому что именно в лесотундровой и северотаежной зоне отсутствуют наименее экстремальные, по сравнению с тундрой, условия круглогодичного проживания – для поддержания бесперебойного функционирования зимника. И сегодня инфраструктура Таймыра в основе своей расположена там же (рисунок).

Для обслуживания Хатангского тракта были построены остановочные пункты (станки), где можно было переночевать, поменять гужевого транспорт. В условиях заполярной зимы расстояние, которое преодолевалось за короткий световой день, составляет 20–30 км. Вот примерно на таком расстоянии вдоль Хатангского тракта была сформирована сеть станков – русских поселений, обеспечивающих транспортную связь (замена оленей, собак), подводную гоньбу, бытовую связь.

Благодаря пушным промыслам, инфраструктура развивалась далее. Орудия охотничьего промысла (пасти, кулёмы) находились друг от друга на приличном расстоянии, а у затундринских крестьян их количество могло достигать до 250 шт., и обходить приходилось большую площадь. Поэтому промысловики в своих владениях ставили небольшие строения, которые назывались отъезжими избами на расстоянии также дневного перехода, 20–30 км друг от друга.

*Современное распределение поселений вдоль старинного Хатангского тракта
Примечание: составлен автором по результатам данного исследования*

В типологическом восприятии Туруханского края (к нему вплоть до послереволюционных административных реформ XX в. относился Таймыр) появляется образ оседлого жителя – промысловика. К образам Таймыра добавляется «мягкое золото» как неотъемлемая часть геокультурного брендинга территории.

Недропользование современного этапа

В первой трети XX в., как отмечено в архивных документах, никакого снабжения поселений, нарушенного Октябрьской революцией, практически не осталось, пе-

ревозки жители станков осуществляли, скорее, в силу привычки. И постепенно тундра начала пустеть: без активного обеспечения деятельности оседлая жизнь на станках замерла. Только после нескольких лет советской власти обеспечение вернулось на Таймыр, сначала в виде интегральных коопераций. Началось это практически одновременно с образованием новой административной единицы в 1930 г. – Таймырского Долгано-Ненецкого автономного округа.

Развитие советской системы хозяйствования привнесло в тундру не только измененные составляющие ведения сельского

хозяйства, но и развитие промышленности – с 1930 г., на основе геологических экспедиций 1919–1928 гг., началось строительство Норильского меде-никелевого комбината, являющегося сегодня крупнейшим горно-металлургическим предприятием в мире, производящим в том числе металлы платиновой группы, редкоземельные металлы. Хотя начало следующего этапа в формировании нового геокультурного образа Таймыра можно отнести к 1960-м гг. [25, с. 222] – к этому периоду относятся первые, неудачные, попытки создать промышленное производство.

Достаточно быстро процесс освоения пошел после первой трети XX в., сформировав новые неотъемлемые образы современного Таймыра – промышленная мощь и человек-созидатель, которому открылись богатейшие недра и который сумел создать уникальное горно-металлургическое производство, аналогов которому до сих пор в мире не существует. В формировании этих геокультурных образов важную роль играет тот факт, что такая производственная деятельность была организована в крайне неблагоприятных климатических условиях, на Крайнем Севере.

Вместе с развитием производства создавался новый социокультурный объект – Норильский промышленный район, представляющий собой конгломерат технических и гражданских сооружений, то есть конгломерат производства и города, с его архитектурой и всеми иными вытекающими. Сформированное за последнее столетие геокультурное пространство Таймыра стало, пользуясь терминологией кандидата географических наук, доктора культурологии Д.Н. Замятина, обобщенным единством геокультурных образов холода, снега, льда, ветра, редкой растительности, затрудненных транспортных коммуникаций и общения, специфических архитектурных и планировочных решений [26, с. 219], с несколько отходящими в прошлое геокультурными образами оленевода-кочевника и промысловика – оседлого жителя.

Однако процессы освоения и сегодня затруднены суровостью естественных характеристик региона. Неудивительно, что долгое время освоен был в производственном отношении в основном юг Таймыра, там, где и возник Норильский промышленный район. Новый пик развития в этой сфере приходится только на последние два десятилетия. Лишь с 2000-х гг. на Таймыр стали активно заходить нефте- и газодобывающие

компании. В перспективе ожидается новый мощный агломерационный узел. Так, один лишь проект «Восток Ойл» на конец апреля 2021 г. включал 52 лицензионных участка [27, с. 187].

Сегодня добывающая промышленность (добыча угля, сырой нефти и газа) составляет 32,6 % в районной экономике [28, с. 12].

Заключение

Сложная компонентная и морфологическая структура геокультурного пространства была рассмотрена нами всего в нескольких аспектах. Автор рассмотрел его в пространственно-временной динамике в качестве концептуальной модели палимпсеста.

Безусловно, суровость климата диктует хозяйственно-экономическое освоение территории Таймыра. Во времени и пространстве наблюдается генезис различных элементов освоения и заселения территории полуострова.

Формирование оленеводческих культур, посещавших основные тундры Таймыра сезонно, на долгое время определило образы геокультурного пространства, характерные для территории с минимальным воздействием человека.

Достаточно позднее появление оседлого населения, также в силу климатических особенностей территории, привнесло новые данные для изменения устоявшегося сезонного, практически безлюдного региона. Именно с XVII в. началось активное формирование нового слоя геокультурного пространства Таймыра.

Появление уже в советское время мощного производственного узла снова привнесло некоторые изменения в структуру геокультурного пространства и дополнило его новыми геокультурными образами.

В результате интерпретация Таймыра как территории оленеводов-кочевников и промысловиков, царства холода, льда и снега обогатилась новыми геокультурными образами. Сегодня в современном геокультурном пространстве севера Средней Сибири присутствует также образ полярника-первооткрывателя как основы не только освоения и заселения труднодоступных и неблагоприятных в климатическом отношении территорий Крайнего Севера, но и создания здесь мощнейших технологических производств с появлением селитебных территорий.

Список литературы

1. Сухоруков В.Д., Гладкий Ю.Н. Геокультурные лики Русского мира: учебно-просветительский модуль / Российский государственный педагогический университет им.

- А.И. Герцена. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2022. 40 с. EDN: OUCЕОН. ISBN 978-5-8064-3138-8.
2. Гладкий Ю.Н., Сухоруков В.Д. Экологическое равновесие географического пространства // Современные географические и междисциплинарные исследования: коллективная монография / отв. ред. Д.А. Субетто, А.Н. Паранина. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 188 с. EDN: UWUWGK. ISBN 978-5-8064-2797-8.
3. Русские люди на Таймыре в XVII–XVIII столетиях / П.Н. Барахович, Д.Н. Лысенко, Н.С. Степанов, М.В. Михайлова. Красноярск: «ЛИТЕРА-принт», 2023. 112 с. EDN: CUVLTF. ISBN 978-5-907558-53-3.
4. Якушкин Г.Д., Колпашиков Л.А., Поспелов И.Н., Поспелова Е.Б. Живая природа Таймыра. Норильск, 2021. 272 с. ISBN 978-5-6042673-5-6.
5. Замятин Д.Н., Курилова С.Н., Дьяконова В.Е. Геокультурный брендинг арктических территорий (на примере моделирования базового географического образа тундры) // Этнографическое обозрение. 2016. № 4. С. 60–74. EDN: WIEODN.
6. Сухоруков В.Д., Гладкий Ю.Н. К вопросу о научной экспликации географического пространства // Региональные геосистемы, 2021. Т. 45. № 2. С. 133–143. EDN: MAXILY.
7. Григорьев Ал.А., Паранина Г.Н. Культурная география: шаг к истокам? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 7. Вып. 3. СПб., 2011. С. 60–72. EDN: OCRBUP.
8. Стрелецкий В.Н., Горохов С.А. Специфика и тенденции развития культурной географии в России в начале XXI века // Известия Российской академии наук. Серия географическая, 2022. Т. 86. № 3. С. 374–392. EDN: LSPWGS. DOI: 10.31857/S2587556622030141.
9. Манаков А.Г. Структура геокультурного пространства России: подходы к делимитации // Псковский региональный журнал. 2012. № 14. С. 22–35. EDN: QCVMRB.
10. Зеленев Е.И. Геокультурное пространство и геокультурные поля: теория вопроса // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. С. 19–28. EDN: MBWQTJ.
11. Басик С.Н. Имя и место: топонимический палимпсест в геокультурном пространстве // Современные проблемы территориального развития. 2018. № 3. С. 1–15. EDN: XZTHBR.
12. Народы мира: этнографические очерки. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 1084 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://djuvonline.file/G8r9tq0DKYcCa> (дата обращения: 29.12.2025).
13. Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М.: «Наука», 1985. 288 с. EDN: RAOEEZ.
14. Колпашиков Л.А., Бондарь М.Г., Михайлов В.В., Соболевский В.А. Опыт распознавания и определения численности северных оленей (*Rangifer Tarandus*) с использованием технологии автоматизированного машинного изучения AutoML // Вестник охотоведения. 2023. Т. 20. № 3. С. 129–138. EDN: GMPJBW.
15. Колпашиков Л.А., Михайлов В.В. Проблемы охраны и рационального использования диких северных оленей Таймырской популяции в современных социально-экономических условиях // Научные труды Федерального государственного бюджетного учреждения «Объединенная дирекция заповедников Таймыра» / отв. ред. Л.А. Колпашиков, А.А. Романов. Норильск: «АПЕКС», 2015. С. 17–29. EDN: ZTVFQN. ISBN 978-5-93-633-121-3.
16. Колпашиков Л.А. Таймырская популяция дикого северного оленя (биологические основы управления и устойчивого использования ресурсов): дис. ... докт. биол. наук. Норильск, 2000. 379 с. EDN: QDGLSF.
17. Колпашиков Л.А., Бондарь М.Г., Михайлов В.В. Современная история таймырской популяции дикого северного оленя: динамика, управление, угрозы и пути сохранения // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2019. № 11. С. 5–20. DOI: 10.17076/eco1045. EDN: BPDWNP.
18. Бондарь М.Г., Колпашиков Л.А. Таймырская популяция дикого северного оленя в изменяющихся условиях среды обитания // Научный вестник Арктики. 2019. № 6. С. 8–15. EDN: QIGTDL.
19. Колпашиков Л.А., Михайлов В.В. Факторы, определяющие динамику численности таймырской популяции диких северных оленей // Вестник охотоведения. 2024. Т. 21. № 1. С. 41–50. EDN: CMVERT.
20. Бондарь М.Г., Колпашиков Л.А. Оценка численности и летнее размещение таймырской популяции диких северных оленей в 2017 году // Научные труды Федерального государственного бюджетного учреждения «Объединенная дирекция заповедников Таймыра» / отв. ред. М.Г. Бондарь. Норильск: АПЕКС, 2018. Вып. 2. С. 29–45. EDN: AJHETC. ISBN 978-5-93633-142-8.
21. Давыдов В.Н. «У каждого свои секреты»: стратегии поддержания пищевой автономности на Таймыре // Этнография, 2022. № 1 (15). С. 6–27. DOI: 10.31250/2618-8600-2022-1(15)-6-27. EDN: ATVFVO.
22. Перевалова Е.В., Киссер Т.С. Коренные народы Таймыра: «право жить на своей земле» // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 4 (59). С. 180–188. DOI: 10.20874/2071-0437-2022-59-4-15. EDN: CIKEWJ.
23. Дьяченко В.И. Пути и особенности колонизации русскими Таймыра // Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII – начало XX в.): сборник научных статей. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 68–123. EDN: VIRGFH.
24. Дьяченко В.И. Влияние Хатангского тракта на формирование долган как культурно-сложного общества // Znanstvena Misel, 2020. № 38–2 (38). С. 23–27. EDN: QRDGYA.
25. Стрючкова Л.Н. Геологические экспедиции 1915 и 1919 гг. к Норильским горам, которые не стали отправной точкой для истории промышленного Норильска / Освоение Севера: от прошлого к будущему. М., 2021. С. 221–229. EDN: FHBBDK.
26. Замятин Д.Н. Постурбанизм и холод: геокультурные образы и репрезентации культурных ландшафтов северных и арктических городов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 4 (51). С. 218–227. DOI: 10.20874/2071-0437-2020-51-4-19. EDN: AZEIVK.
27. Перевалова Е.В., Киссер Т.С. Недропользователи и коренное население Таймыра: партнерство и проектность // Сибирские исторические исследования. 2022. № 4. С. 176–194. DOI: 10.17223/2312461X/38/10. EDN: ZSZJMN.
28. Головнев А.В., Давыдов В.Н., Перевалова Е.В., Киссер Т.С. Этноэкспертиза на Таймыре: коренные народы и техногенные вызовы. СПб.: МАЭ РАН, 2021. 284 с. EDN: EFPZIH. ISBN 978-5-88431-396-5.

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The author declares that there is no conflict of interest.